

УДК 159.9
ББК Ю9

Татьяна Александровна Терехова,
доктор психологических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права,
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11)
e-mail: terehovata@mail.ru

Светлана Карловна Малахаева,
кандидат философских наук,
Байкальский государственный университет экономики и права,
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11)
e-mail: smalahaeva@ya.ru

Нарративный анализ как понимающий метод

В настоящей статье впервые предпринята попытка операционализировать в социально-психологическом исследовании философский концепт «забота о себе», позволяющий проблематизировать субъективный компонент в исследовании экологического сознания. Для этого использованы принципы герменевтики и историко-культурологической интерпретации в контексте социально-психологического исследования. В интерпретации нарративного интервью использованы структурный подход У. Лабова и семиотические триады Ч. Пирса. Авторы, анализируя нарративное интервью с помощью семиотических триад Ч. Пирса, используют, во-первых, описание действия, практики как репрезентанту; во-вторых, суть действия, переходный момент, провоцируемый действием, и эмоции, которыми насыщено это действие как объект; в-третьих, интерпретацию как способ выявить эту зависимость между репрезентантой и объектом. Такая триадная структура события позволяет раскрыть смысловое поле события и выявить значимые коды, присущие данному рассказчику. Нарратив, с точки зрения структурного подхода, имеет определённый набор компонент, чьи функции – дать тезисы последующего текста (Т), ориентировать слушателя (ОС), представить комплексное действие (КД), оценить его значение (О) и показать разрешение ситуации (Р). Вопрос, что считать оценкой, а что – ориентацией, решается в зависимости от теоретических допущений и опыта учёного. Нарративное интервью «Принципы моей жизни» проведено на русском и бурятском языках и интерпретировано с помощью семиотических триад Ч. Пирса и структурного подхода У. Лабова.

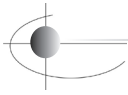
Ключевые слова: нарратив, нарративный анализ, семиотические триады Ч. Пирса, структурный подход У. Лабова, личностные смыслы, принципы жизни, культура бурят-шаманистов.

Tatiana Aleksandrovna Terekhova,
Doctor of Psychology, Professor,
Baikal National University of Economics and Law,
(11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: terehovata@mail.ru

Svetlana Karlovna Malakhaeva,
Candidate of Philosophy,
Baikal National University of Economics and Law
(11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: smalahaeva@ya.ru

Narrative Analysis as an Understanding Method

In this article the authors made an attempt to operationalize in socio-psychological study a philosophical concept “self-care” which allows to problematize a subjective component in the study of environmental awareness. For this purpose they used the principles of hermeneutics and historical and cultural interpretation in the context of socio-psychological study. In the narrative interview interpretation they used Labov’s structural approach and Peirce’s semiotic triads. While analyzing narrative interview with the help of Peirce’s semiotic triads the authors use, firstly, the description of action, practice as a representative; secondly, the essence of an action, moment of transition provoked by this action and emotions which fill the action as an object; thirdly, interpretation as a way to identify this correlation between a representative and an object. Such triad structure of an event allows developing semantic field of an event and revealing significant codes typical for the narrator. In terms of structural approach narration has a defined set of components whose functions are to give theses of the further text (T), to orientate a listener (OL), to submit a complex action (CA), to evaluate its meaning (E) and demonstrate an outcome of the situation (O). The problem about what can be considered as an evaluation and what can be considered as an orientation is solved depending on theoretical assumptions and experience of the scientist. Narrative interview “My life’s principles” is carried out in the Russian and Buriat languages and interpreted with the help of Peirce’s semiotic triads and Labov’s structural approach.

Keywords: narration, narrative analysis, Peirce's semiotic triads, Labov's structural approach, personal meanings, life's principles, culture of Buriats-Shamanists.

I. Феноменология нарратива

Современные социально-гуманитарные науки, оперируя широкими методологическими обобщениями, в то же время преодолевают макросоциальный уровень теоретической рефлексии, конструируют пространство полисубъектного взаимодействия людей, реализующих внутренние потенции и одновременно меняющих мир вокруг себя. В связи с этим одной из насущных тем становится изучение отношения человека к самому себе как субъекту экологичного поступка. То, каким образом в культуре формируются ответственное и самостоятельное отношение индивидов к природе и какими факторами это обусловлено. Комплекс этих вопросов сходится в единой точке – экологическом сознании и самосознании человека, в отношении к себе как субъекту, вынужденному выстраивать заботливое взаимодействие с окружающим миром, обеспечивающим гармоничное сосуществование человека и природы. Изучение психологических факторов формирования экологического сознания в трансформирующемся мире раскрывает перспективы новых разработок и представлений о взаимодействии индивида, культуры и природы, что является фундаментальной психологической проблемой (Л. С. Выготский, Д. А. Леонтьев; В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, В. И. Панов, В. А. Ясвин и др.).

Однако, несмотря на многообразную теоретико-методологическую и эмпирическую разработку данного вопроса, не осуществлена в полной мере проблематизация экологического вопроса как культурного вопроса, укоренённого в субъективном бытии носителя культуры. На практике это проявляется в отсутствии видимых результатов экологического воспитания, решающего проблему функционально – через систему образования, которая не является интегральной частью индивидуального бытия и в большей части не определяет будущую экологичную жизненную стратегию, которая одновременно является экологичной стратегией отношения к миру. Формирование экологического сознания есть не проблема системы образования, а скорее проблема онтологических, экзистенциальных и аксиологических оснований культуры в целом.

Поэтому мы считаем, что постановка триангулярной психологической проблемы «человек-культура-природа», основанной на ма-

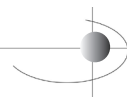
териалах конкретной культуры бурят-шаманистов, через призму философского понятия «забота о себе», позволяющего по-новому развернуть проблему экологического сознания и самосознания как культурного, онтологического и субъективного явления, поможет решению ряда теоретико-методологических проблем экпсихологии, а также смысловому обогащению герменевтического (интерпретативного) инструментария социальной психологии. Изучение культурных традиций, в которых в силу исторического хода событий сильна компонента экологического сознания, помогает выстроить непротиворечивую модель и стратегию развития, что занимает передовое научное сообщество в данный момент [4].

Нарративный анализ как метод герменевтики и метод качественного анализа материала используется для выявления субъективных явных и не явных представлений о заданной проблеме. В явном содержании нарратива, анализируется представленная рассказчиком фактическая информация о событиях. Контент-ориентированный анализ может быть направлен на прояснение имплицитного содержания: смысла и значения всей истории или её отдельных частей, проявления тех или иных мотивов, особенностей личности рассказчика и пр. Формальный анализ состоит в прояснении структуры сюжета, последовательности событий, их соотношения с временной осью, сложности и связанности между собой; чувств, вызванных историей, стиля нарратива, использованных рассказчиком метафор, пассивных и активных залогов и т. п.

На теоретические и методологические основания концепции нарративного анализа оказали влияние работы Э. Гуссерля, А. Шюца, П. Рикера и М. Мерло-Понти, символический интеракционизм (Дж. Г. Мид, Г. Блумер) и этнометодология (Г. Гарфинкель, А. Сикурель).

Нарративный анализ относится к феноменологическим методам изучения текста и языка, где принято не трактовать язык как объект или вещь, а стремиться раскрыть говорящего субъекта со всеми имеющими смысл случайностями и нарушениями целостности. В нашем исследовании он используется в интерпретации интервью «Принципы моей жизни».

Примем за рабочее определение нарратива разговор или текст, специально орга-

низованный вокруг последовательных событий. Полученные данные богаты деталями и приближены к тому, как воспринимается мир самим информантом. Ещё одна важная черта нарратива, отмечаемая социологами и литературоведами, – это то, что присутствие рассказчика очень значимо. В текст повествования вплетается контекст: позиция рассказчика, конкретная ситуация рассказывания, присутствие слушателя, целый комплекс социальных, исторических, политических условий, и конкретное слово осуществляет «локализацию» и «темпорализацию» идеального смысла.

Прошлое фильтрует, ограничивает наше восприятие. Эти фильтры необходимо учитывать при изучении устных или письменных выражений индивидуального смысла, вроде бы представляющих собой окна во внутренний мир человека, хотя нужно оговориться, что чистого окошка во внутренний мир человека просто не существует: и язык, и знаки, и процесс означивания во всех его формах, являясь текучим, нестабильным, построенным на следах других знаков и символических высказываний, затрудняют однозначное толкование наблюдаемых явлений, интенций или смыслов.

По определению нарратив рассматривается здесь как рассказ, направленный на описание прошлых событий и развитие событий. Всегда возможно рассказать об одних и тех же событиях совершенно по-разному, в зависимости от ценностных приоритетов рассказчика, это не вызывает сомнений. Что касается рассказывания о сложных жизненных событиях, здесь нужно помнить, что прошлое фильтрует восприятие, и те события, которые играли важную роль и до сих пор играют роль в формировании идентичности человека, значительно искажаются со временем. Это дает возможность конструирования целостного позитивного образа в настоящем. Здесь не только происходит невольное самописание субъекта. Нарратив понимается как «смысл преднарративного опыта», и акты наррации являются фундаментальными для возникновения и реальности существования этого субъекта. Описывая собственную жизнь, нарратор создает некое произведение о собственной жизни, структурируя его по некому заданному императиву.

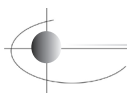
Язык понимается не как инструмент для передачи истины, но как способ и условие конструирования смысла. Рассказывая ту или иную историю, люди далеки от истинных и объективных интерпретаций событий, они

конструируют истину на месте, возникает истина личного нарратива, субъективная форма рассказа делает их уникальным материалом для понимания внутреннего мира. Происходит проникновение самого нарратора в свой внутренний мир как бы со стороны. Во время рассказа личностный смысл конструируется посредством создания рассказа о событиях своей жизни. Эти личные нарративы можно понять, только отказавшись от идей непосредственного понимания, интерпретируя, уделяя пристальное внимание контекстам, в которых они сформировались, и мировоззрениям, которые повлияли на них, что и является нашей основной задачей.

Изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, может происходить в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым эти люди наделяют конструируемые ими события. Истолкование, как говорит Хайдеггер, это и есть формирование понимания. Познание intersubjectively, оно основывается на разделяемом опыте и знании, получаемом непосредственно в момент создания истории. В свою очередь, интерпретация как акт конструирования смысла создает условия для понимания, актуализирует нашу способность постигать смыслы опыта, интерпретируемые другим человеком. Понимание оказывается в этой традиции intersubjectively, эмоциональным процессом. Интерпретатор, таким образом, уже не может претендовать на единственно правильное понимание и описание социального факта. Респондент, интерпретатор, читатель уравниваются в праве на конструирование истины нарратива.

II. Процедура истолкования нарратива

Нарративный анализ не реконструирует историческое прошлое, а лишь интерпретирует его. Ф. Анкерсмит считает справедливым приравнять создание нарратива к процедуре истолкования [1]. Представление о том, что события, зафиксированные в тексте, свершились в прошлом, является иллюзией. Встроенные в исторический нарратив, они претерпели серьёзную трансформацию, и теперь только тщательная интерпретация позволит выяснить, что случилось «на самом деле». Пространство нарратива обязательно предполагает разрыв между хроникой (последовательными предложениями, непосредственно указывающими на события) и всей совокупностью высказываний, наделённых метафорическим значением. В этом смысле нарративный анализ проблематичен и несёт в себе определённые ограничения, как и лю-

бой другой метод имеет эпистемологические пределы. Мы стараемся их осознать и пользоваться методом максимально экологично, с учётом принципов герменевтического исследования.

В беседе рассказчики иногда сообщают слушателям о начале и завершении своей истории, употребляя особые слова. «Давным-давно», «как-то раз», «и с тех пор они жили счастливо много лет» – классические примеры таких отметок «входа» и «выхода», благодаря которым история как бы заключается в скобки. Однако бывает, что рассказы, представленные в исследовательском интервью, не так чётко выделяются, и обнаружение границ истории порой становится сложным интерпретативным процессом: ведь от того, когда рассказчик начинает и заканчивает нарратив, будет зависеть форма и смысл повествования. Само же решение рассказчика отражает, насколько глубоко сам рассказчик, слушатель или интерпретатор являются частью текста.

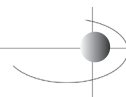
Фокус нарративного анализа, как это бывает и в других исследованиях качественного направления, зачастую проясняется, когда мы слышим или читаем, что говорят респонденты. Таким образом, изучение нарративов становится совместной деятельностью аналитика и рассказчика: ведь в процессе интеракции этих субъектов изменяются сами аналитические идеи, структурный подход является моделью анализа, которую можно применять в самом начале интерпретационного процесса. Нарративы, согласно его версии, обладают формальными свойствами, каждое из которых функционально.

«Простой» нарратив можно представить простейшей схемой: состояние – событие – состояние. Событие – есть то ядро нарратива, вокруг которого строится рассказ. Событие выводит человека из статичности состояния, является полем возможностей, в котором конструируется идентичность. Средняя часть разрушает статус-кво, являясь формой трансгрессии, организовывает беспорядок события в стилизованную культурную форму нарратива. Третья часть – это возвращение к статике, но на другом уровне или качестве, тот своеобразный эпилог, которым заканчивается рассказ. Ядро нарратива, его средняя секция есть фаза перехода, проявления возможностей, в которых индивид получает опыт самореализации. Ведь процесс самореализации как раз есть специфический процесс отказа от одних возможностей, кроющихся в ситуации в пользу других, реализовавшихся.

В нашем случае средняя фаза буквально маркируется исключительными событиями, где неизвестны правила и ожидания обычного состояния. После этих событий, в котором индивид проявляет собственную субъектность, создает другие ручейки возможностей, происходят ритуалы реинкорпорации в статическое упорядоченное состояние общества и индивида. Необходимо отметить, что индивид всё же выступает в новом статусе вновь созданной статичности. Эта структура нарратива характерна для всех интервью, наиболее показательным в этом плане явилось воспоминание мужчины (81 год) о подростковом возрасте, в котором проявилась эта особенность построения нарратива. Дано в переводе с бурятского:

1) я пацаном был (пауза)... было лето, жаркое, не такое как сейчас лето – тогда в Гаханах лето было по-настоящему жаркое и дождливое, а то сейчас... то дым... то засуха... вышел на улицу утром (интригующая пауза)...2) а у нас вся северная сторона дома облеплена чёрными жуками... все поле в чёрных жуках... (показывает размер насекомого пальцами)... откуда взялись... я в дом забежал – кричу – «сохо, сохо, гэрымнэ эдэжэ байна» (жуки, жуки дом пожирают), вышла мать, и мы с ней поливали кипятком этих жуков... 3) потом они куда-то улетели, но трупы долго валялись... (долгая пауза), в этом же году началась война...».

В данном случае характерно присутствие состояния – жаркое лето, спокойное; этот период времени связывается в сознании респондента с сегодняшним мирным временем, сопоставлению с которым можно уловить определённый скептицизм, однако не оставляет сомнения тот факт, что довоенное лето (видимо, 1941 года) сравнивается с сегодняшним временем в модусе мирного упорядоченного состояния. Появление чёрных жуков рассказчиком не объясняется – событие происходит, и в этом смысле не имеет как таковых причин, как многое в жизни, хотя попытка понять причину присутствует. В рассказе присутствует квазипричина, которая напрашивается в интерпретации – нашествие жуков косвенно связывается с таким трагическим событием, как война. Императив тревожности в рассказе, уже опосредованный годами, высок. Характерно сравнение и в другом контексте, когда говорится, что жуки поедают дом, а для их уничтожения герои рассказа используют кипяток – агрессивное и опасное средство. Упоминание о трупах ещё раз символически связывает это событие с

последующими военными событиями. Таким образом, наблюдается характерная структура построения нарратива, в котором средняя фаза – ядро, охватывает смысловое значение нарратива – переход, смена качества, для которого характерен наиболее высокий эмоциональный накал, а элементы текста 1 и 3 являются состояниями упорядоченности, качественно различающимися, но формально идентичными.

В нашей интерпретации использованы семиотические триады Ч. Пирса, из которых состоит событие (знак): знак связывает три члена или, лучше сказать, три коррелята в триадическом отношении, а именно: во-первых, знак в узком смысле, называемый

также репрезентантом, во-вторых, объект, к которому отсылает знак, и, в-третьих, так называемую интерпретанту; эти три коррелята связываются в значении знака. В нашем случае мы используем: 1. Описание действия, практики как репрезентанту; 2. Суть действия, переходный момент, провоцируемый действием, и эмоции, которыми насыщено это действие как объект; 3. интерпретацию как способ выявить эту зависимость между репрезентантой и объектом. Такая триадная структура события позволяет раскрыть смысловое поле события и выявить значимые коды, присущие данному рассказчику.

В данном рассказе можно выделить несколько смысловых триад.

Таблица 1

Семиотические триады Ч. Пирса в нарративном анализе

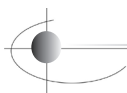
	<i>Репрезентанта</i>	<i>Объект</i>	<i>Интерпретанта</i>
1. Я пацаном был	Пацан	Рассказчик	Молодость, заря жизни рассказчика
2. Было лето, жаркое, не такое как сейчас лето... вышел на улицу утром	Лето	Время в прошлом	Спокойное размеренное течение жизни сравнивается с мирным временем сегодня
3. А у нас вся северная сторона дома облеплена чёрными жуками... всё поле в чёрных жуках...	Дом облеплен чёрными жуками	Нашествие насекомых	Невероятное событие, тревожная и страшная картина
4. Я в дом забежал – кричу – сохо, сохо, гэрымнэ здыжэ байна (жуки, жуки дом пожирают)	Крик: «Жуки пожирают дом»	Страх, неприятие, аффективное состояние	Аффективное состояние и конструирование образа ребёнком – пожирание дома, высокая степень опасности
5. Вышла мать, и мы с ней поливали кипятком этих жуков...	Мать; кипяток	Уничтожение насекомых	Очищение, борьба, жёсткое абразивное вещество
6. Потом они куда-то улетели, но трупы долго валялись	Куда-то улетели; трупы	Насекомые улетают, остаются мёртвые насекомые	Неожиданное исчезновение угрозы, но как напоминание остаются трупы
7. В этом же году началась война	Война	Событие в прошлом	Длительная пауза перед выводом дает основание предположить, что рассказчик связывает два этих события, создает некую квазисвязь этих событий, будто нашествие жуков есть символический знак надвигающейся войны

«Полный» нарратив включает шесть общих элементов: тезисы «Т» (краткое изложение существа дела), ориентацию «ОС» (время, место, ситуация, участники), комплекс действий «КД» (последовательность событий), оценку «О» (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), резолюцию «Р» (что случилось в конце концов) и код «К» (возврат к настоящему времени).

Согласно этому подходу, который на первый взгляд относит нас к традиции структуриализма, задачей исследования является определение не только того, где начинается и заканчивается нарратив, но и какова роль слушателя (или вопросов) в его создании. Вслушиваясь в речевые отметки начала и конца повествования, можно определить от-

носительно простые нарративы. Как только границы нарративного сегмента выбраны, можно переписать нарратив, пронумеровав строки. Попробуем применить подход У. Лабова к данному отрезку и посмотрим, как организован нарратив с точки зрения структурного подхода.

Как уже упоминалось, согласно этому подходу полные истории имеют определённый набор компонент, чьи функции – дать тезисы последующего текста (Т), ориентировать слушателя (ОС), представить комплексное действие (КД), оценить его значение (О) и показать разрешение ситуации (Р). Понятно, впрочем, что структура нарратива может быть представлена исследователями по-разному. Вопрос, что считать оценкой, а что – ориента-

цией, решается в зависимости от теоретических допущений и опыта учёного.

(Т) я пацаном был (пауза)... было лето, (ОС) жаркое, не такое как сейчас лето – тогда в Гаханах лето было по-настоящему жаркое и дождливое, (О) а то сейчас... то дым... то засуха... (КД) вышел на улицу утром (ОС) (интригующая пауза)... (КД) а у нас вся северная сторона дома облеплена чёрными жуками...

всё поле в чёрных жуках... (ОС) (показывает размер насекомого пальцами)... (О) откуда взялись... (КД) я в дом забежал – кричу – сохо, сохо, гэрымнэ эдьжэ байна (жуки, жуки дом пожирают), (КД) вышла мать, и (КД) мы с ней поливали кипятком этих жуков... (КД) потом они куда-то улетели, (О) но трупы долго валялись... (долгая пауза), в (Р) этом же году началась война...».

Таблица 2

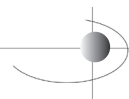
Структурный подход У. Лабова в нарративном анализе

Тезис	Комплексное действие	Ориентация слушателя	Оценка	Резолюция	Код
Я пацаном был... было лето		Жаркое, не такое как сейчас лето	А сейчас то дым, то засуха. (указание на существенные перемены)		Предвестие войны
	Вышел на улицу	Пауза (указание на необычное событие)			
	А у нас вся северная сторона дома облеплена чёрными жуками	Демонстрация руками размера насекомого	Откуда взялись (попытка осмыслить причину несчастия)		
	Я в дом забежал, кричу				
	Вышла мать				
	Поливали кипятком				
	Потом куда-то улетели		Но трупы долго валялись (эмоциональная привязка, негативный образ)		
				В этом же году началась война	

Как мы видим, при такой рассортировке данных становится явленной ситуация диалога, в которой как минимум два субъекта – респондент и интервьюер, то взаимодействие, которое налагает отпечаток на формирование нарратива «здесь-и-теперь». Так же выделяется отдельная графа для смыслового кода, который несет данный нарратив как целостная взаимосвязанная система. Код не может быть индивидуальным, код – это всегда общезначимый социальный смысл, именно поэтому код фиксируется как возвращение субъекта из автономии события в статику состояния.

В нарративе всегда взаимодействует два реально существующих полюса человеческой жизни: индивидуальный и социальный. Также в нём существует два уровня причинности, как мы видели в выше рассмотренном нарративе: индивидуальная и объективная (социальная). Тем самым выражаются фазы

нарратива, в которых статическое состояние переходит в другое статическое состояние. Существенная фаза перехода, или фаза, в которой реализуется сущность человека – его способность выбирать из потенциально скрытых в описываемом моменте альтернатив одну единственную. В этот момент субъект вынужден отделиться от социального (объективного), беря на себя ответственность за утверждение «не-алиби в бытии», или что не то же самое, но близко – личностный смысл. Таким образом, главной целью наррации является не артикуляция отдельной личности, а осуществление связи между этими двумя полюсами. События, описываемые рассказчиком, – это этапы жизненного опыта, посредством которых субъект развивает в себе диалектику тождества и различия, исключения и участия. Именно поэтому анализ нарративов представляется методологически центральным звеном в исследовании проблемы ин-

культурации, вхождения в культуру, бытия в культуре, проживания жизни в культуре, позволяя связать полюс индивидуального переживания бытия носителем культуры, с одной стороны, и полюс институциональных смысловых пластов – с другой.

Можно сказать, что логика конструируемого в нарративах жизненного смысла завязана вокруг той живой, подвижной, релятивной точки отсчета, где сходятся и сталкиваются, сопоставляются и противопоставляются силовые линии интернальной и экстернальной природы, типизируя действия и личности, чтобы тем самым осуществлять самотипизацию рассказчика. Любой нарратив представляет собой практику исключения – ведь и рассказываем мы об исключительных, хотя бы немного, но из ряда вон выходящих событиях в нашей жизни. Особенно отчетливо логика исключения проявляется в нарративах тех, кто испытал серьёзные потрясения, был свидетелем или участником пограничных, экстремальных ситуаций, пережил ненормативный травмирующий опыт. Пересечение индивидуального и социального полюсов приводит к перемене идентичности в зависимости от степени интенсивности взаимодействия. Каждый раз, когда осуществляется сколько-нибудь значительное пересечение, человек как бы пристально смотрит на себя в зеркало, пока не забудет, что у него вообще-то совсем другое лицо. Происходит трансформация собственного образа и конечно же субъективного повествования о всей жизни. Меняется осмысление более ранних периодов, одни события становятся малозначительными, другие выступают вперёд, обретают новый смысл в многомерном мире человека, конструируется новый нарратив.

Нарративный анализ позволяет всегда держать в фокусе внимания эти два пласта – индивидуальный и социальный – и рассматривать событие, передаваемое рассказчиком, не только как индивидуальное, имеющее отношение лишь к его частной жизни, как опыт самотипизации, но и частное проявление социально-типичного. Событие становится неким микроповоротом, исключением в жизни человека, поэтому и остается в памяти, становится достойным повествования. Особенно это заметно в рассказах тех людей, которые испытали пограничное состояние, пережили ненормативный травмирующий опыт, побывали в качестве участников или свидетелей в экстремальных ситуациях.

В нарративах работает логика исключения, именно поэтому нарративный анализ

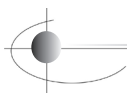
открывает новые перспективы исследования феномена самореализации как феномена индивидуального и социального. Самореализация есть всегда момент события, в котором человек осуществляет личностный смысл. И остается в памяти этот момент, и становится нарративом именно потому, что он дал возможность этому человеку раскрыть что-то в себе, то чего не было, но что появилось в данный момент столкновения с миром, проявить «не-алиби в бытии». То, каким образом это совершается, зависит от отношения человека к миру и к себе в мире. Определенное доверие к миру, гармоничное и экологичное взаимодействие с ним может определяться тем культурным императивом «заботы о себе», который функционирует в этом конкретном социуме.

В нарративах опрашиваемых носителей культуры проявляется комплекс взаимосвязанных смыслов, зафиксированных в житейских принципах или правилах, передаваемых бурятами из поколения в поколение. Те культурные смыслы, которые способствуют, несмотря на ни на что, создать и осуществить позитивный жизненный проект, создают в самом человеке, в его субъективности некие потенциалы выживания, те правила гармоничного существования с самим собой и с миром, которые помогают её носителям включаться в современный глобальный мир с его пестротой и многообразием вариантов человеческой самореализации. Такими смысловыми кодами могут быть принципы, формируемые, например, в шаманистских культурах: жить в ладу с миром вокруг; никогда не сдаваться; приспосабливаться к ландшафту; слушать мир; быть под защитой предков; делать своё дело.

III. Результаты исследования

Нарративное интервью, составленное нами, включает обмен вопросами и ответами с элементами повествования, причём вопросы носили направленный и ненаправленный характер. Формы повествования предполагали содержательные рассказы биографического характера, описания особых случаев или исторических событий.

В качестве респондентов выступили 6 человек: женщина – 60 лет, бурятка, учитель в сельской школе; мужчина – 61 год, бурят, пенсионер; женщина – 55 лет, бурятка, пенсионерка; женщина – 46 лет, бурятка, работает в сельской администрации; мужчина – 81 год, бурят, пенсионер; женщина – 41 год, бурятка, преподаватель истории. Все практикуют шаманизм. Интервью проходило от 1,5 до 15 ча-

сов совокупного времени с одним человеком, поэтому в данной интерпретации использована лишь малая часть, касающаяся непосредственно принципов и правил жизни.

Необходимо оговорить, что все интервью были записаны на 2-х языках – русском и бурятском, что было ожидаемо изначально. Интервью проводилось в форме рассказа о жизни с возвратами к необъяснённым моментам, в том числе и через продолжительные интервалы, когда респондент что-то вспоминал существенное и возникала необходимость продолжить разговор.

В начале разговора мы побуждали респондента к повествованию с помощью вопроса, прямо затрагивающего интересы интервьюируемого и позволяющего дать развернутый ответ. В данном случае это был вопрос: «Какие житейские правила вы помните из своего детства? Какими из них вы пользовались и продолжаете пользоваться в своей жизни?»

В число наших задач входило выявить предпосылки рассказчика, на которые он или она ориентируются, имея в виду реального или потенциального читателя, адресата текста или собеседника, учесть символическое присутствие третьих лиц, оказывающих влияние на автора истории. У каждого интервьюируемого свой адресат помимо интервьюера, некоторые проваливаются в свой внутренний монолог и говорят уже не с реальным собеседником, а с внутренним собеседником, спрашивают, рефлексируют, оценивают правильность собственных поступков. Таким образом, в процессе рассказа происходит конструирование истории жизни, выправляются и создаются альтернативные истории, того что могло бы произойти, поступи человек иначе.

Так как все интервью были даны на русском и бурятском языках, мы заметили, что переходы с русского на бурятский происходили в тот момент, когда требовалось более подробное объяснение, или человек не мог найти слов на русском для описания переживания, либо для маркировки доверительного отношения к интервьюеру. С бурятского на русский переходы реже, связаны с описанием социального контекста, или когда интервьюер по неопытности задает сложно сформулированные вопросы. Так как вопросы интервью заданы на русском языке, все рассказы начинались с нескольких фраз по-русски, потом переходили на бурятский.

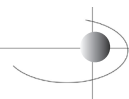
Распространенная среди бурят билингвальность, которая поддерживает разделе-

ние культуры на сакральную и профанную, где бурятский язык является проводником в мир сакрального, а русский средством делового общения, карьеры, является фактором погружение в две и более культуры через постижение языка с раннего детского возраста. Это даёт возможность понимания и оценивания ядерной культуры с точки зрения вторичной, а вторичной с точки зрения ядерной, что создает динамичную систему культурного обмена внутри субъекта, в результате которого он получает более широкий спектр индивидуальных разрешений, способствующих дальнейшему выстраиванию жизненного пути, что соответствует общей идее шаманизма – экологичному включению в окружающий мир.

Специфика данного исследования такова, что один из авторов исследования вынужден был выступить также переводчиком с бурятского на русский, поэтому существует довольно высокий уровень вмешательства исследователя в повествование респондентов: как интерпретатора – переводчика, как интерпретатора – исследователя. Мы должны предупредить об этом, чтобы сохранить этическое равновесие, но мы должны так же сказать, что во время переводов старались придерживаться начального смысла.

После окончания первичной обработки транскриптов по смысловым триадам Пирса, возникла чисто методологическая проблема подачи «сырого материала» в текст. Было решено пойти по пути тематической классификации высказываний, чтобы стало видимым взаимодействие или отношение к тому или иному культурному, социальному или природному объекту, в котором как раз, с нашей точки зрения, становится явным момент реализации некой возможности, раскрытия специфического потенциала культуры. Социально-психологическое исследование больших групп методом нарративного анализа должно обращаться к нарративам отдельных членов группы, достигая обобщения не за счёт механического суммирования, а посредством определения общей макросоциальной характеристики всей совокупности нарративов – способа наррации и единых смысловых кодов, обнаруживающихся в отдельных повествованиях.

Итак, первым тематическим блоком становится отношение *к пространству и времени и природе*. При переходе к полукочевому типу хозяйствования появляется специфическая установка заботы о будущем – подготовка перед летними и зимними кочёвками домов и скарба к следующему приезду. Од-

нако это совершенно другой тип восприятия будущего по сравнению с земледельческими культурами. Отношение к будущему может быть отголоском подобного отношения к будущему в самой культуре. Идеальная встроенность кочевника в природу обуславливает тонкое восприятие и понимание времени как свойства самой жизни, максимально точно реагирующей на годовой цикл и мельчайшие изменения в обычном ходе времени.

Следующим тематическим блоком является отношение к *иным мирам, к богам*. В данном случае мы имеем дело со специфической системой практического шаманизма, в котором нет понятия религиозности как такового. Скорее шаманизм – это практика проживания жизни, регламентируемая неким сводом общих правил взаимодействия с природой и миром, сформированным в конкретной местности. Есть определённый комплекс общепринятых правил взаимодействия с миром, но есть и конкретные, местные обычаи, к пониманию которых можно прийти, только проживая в данном социуме долгое время, как бы укоренившись в ней, интериоризировав ландшафт, если можно так выразиться. С этой точки зрения, попытки рассматривать шаманизм как некую религиозную систему нерепрезентативны, так как подчинены скорее моде на трансперсональные тренинги и сами конструируют объект, который в природе не существует.

Трансформация идентичности так же, как её генезис и поддержание, есть социальный процесс, и то, что антропологи называют ритуалом перехода, включает аннулирование прежней идентичности (например, ребёнка) и инициацию в новую идентичность (скажем, взрослого). Рассказывание историй можно проинтерпретировать как более мягкий ритуал перехода, и кажущаяся обыденность «наивных», повседневных повествований на самом деле погружена в контекст сакральных ценностей самоосмысления и самоосуществления. Социальный контекст присутствует всегда, и в этом смысле это ещё один экзистенциальный пласт взаимоотношений с миром – с миром человеческого общения, иерархии социальных структур, микрофизики социальных взаимодействий. Поэтому следующим тематическим блоком в интерпретируемом нами материале являются *отношения с другим*.

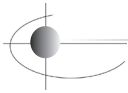
Последним универсальным правилом, то есть присутствовавшим так или иначе во всех интервью, является утверждение о не-

обходимости взаимопомощи как условия для выживания.

Таким образом, рассмотрев тексты нарративных интервью, мы приходим к выводу, что в культуре бурят-шаманистов существует специфическое отношение к миру как универсуму. Главным кодом, выявленным в процессе интерпретации, является *укоренённость в ландшафте*, которую мы заметили во всех нарративах респондентов, проживающих в сельской местности. Слитность пространственно-временного и природного пластов образует уникальный способ взаимодействия с ним – постоянное существование в ритме мира, встраивание в ландшафт, сакрализация местности, в которой человек проживает, что делает мировоззрение носителя культуры очень устойчивым, невосприимчивым к абразивному воздействию глобальной массовой культуры. Попытка же перейти в другую систему координат приводит к когнитивному диссонансу, к глубокому мировоззренческому противоречию, в результате которого индивид имеет три возможных способа реализации сущностных сил – вернуться в родную группу; отказаться от группы и перейти в другую систему мировоззрения; продолжать противоречивый дискурс, находя в нём индивидуальный смысл.

В социуме наиболее важным является смысловой код – *взаимопомощь*. Сохранение элементов кланово-семейной структуры социальных взаимоотношений, интерпретируемое нами как укорененность в роду, влияет на самореализацию индивида в современном мире и принятие им решений, фактически определяя некую стратегию включения в большой мир с помощью буфера, которым является клан. Это дает возможность человеку чувствовать себя более защищённым во взаимодействиях с остальным социальным миром, помогая индивиду выбирать из большего числа возможностей реализации себя.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в культуре бурят-шаманистов, как и в любой другой традиционной культуре, существует потенциал заботливого отношения к миру, к другим и к самому себе. Свод правил, регулирующих спокойное и выверенное отношение к миру, способствующее носителям культуры успешно встраиваться в существующие глобальные культурные и социальные контексты. Это может являться основой формирования современного экологического сознания и становления субъект-порождающего взаимодействия с природой.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Сочинения: в 7 т. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
3. Гадамер Г. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 637 с.
4. Ермаков Д. С. Экологическая психология в контексте устойчивого развития // Экопсихологические исследования – 2: к 15-летию лаборатории экопсихологии развития: монографический сборник / под ред. В. И. Панова. М.: Психол. ин-т; СПб.: Нестор-История, 2011. 372 с.
5. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд / под ред. Г. В. Залевского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 154 с.
6. Панов В. И. Экологическая психология, экопсихология развития, экопсихологические взаимодействия // Экопсихологические исследования – 2: к 15-летию лаборатории экопсихологии развития: монографический сборник / под ред. В. И. Панова. М.: УРАО «Психологический институт»; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 12–13.
7. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
8. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. М.: Практикс, 2006. Ч. 3. 320 с.
9. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.
10. Ярская-Смирнова В. Н. Интервью в гендерных исследованиях URL: <http://www.deti-s-zur.ru/node/404.html> (дата обращения: 15.05.2014).
11. Ясвин В. А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

References

1. Ankersmit F. R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory / per. s angl. M. Kukartseva, E. Kolo-moets, V. Kataeva. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 496 s.
2. Bakhtin M. M. K filosofii postupka // Sochineniya: v 7 t. M.: Rus. slovarei: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. T. 1. S. 7–68.
3. Gadamer G. G. Istina i metod: osnovy filosofskoi germeneyvtiki. M.: Progress, 1988. 637 s.
4. Ermakov D. S. Ekologicheskaya psikhologiya v kontekste ustoichivogo razvitiya // Ekopsikhologicheskie issledovaniya – 2: k 15-letiyu laboratorii ekopsikhologii razvitiya: monograficheskii sbornik / pod red. V. I. Panova. M.: Psikhool. in-t; SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. 372 s.
5. Klyuchko V. E., Galazhinskii E. V. Samorealizatsiya lichnosti: sistemnyi vzglyad / pod red. G. V. Zalevskogo. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1999. 154 s.
6. Panov V. I. Ekologicheskaya psikhologiya, ekopsikhologiya razvitiya, ekopsikhologicheskie vzaimodeystviya // Ekopsikhologicheskie issledovaniya – 2: k 15-letiyu laboratorii ekopsikhologii razvitiya: monograficheskii sbornik / pod red. V. I. Panova. M.: URAO «Psikhologicheskii institut»; SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. S. 12–13.
7. Sodnompilova M. M. Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoi deyatelnosti mongol'skikh narodov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2009. 366 s.
8. Fuko M. Etika zaboty o sebe kak praktika svobody // Intellectualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu / per. s frants. B. M. Skuratova pod obshchei red. V. P. Bol'shakova. M.: Praxis, 2006. Ch. 3. 320 s.
9. Shul'ga E. N. Kognitivnaya germeneyvtika. M.: IFRAN, 2002. 235 s.
10. Yarskaya-Smirnova V. N. Interv'yu v gendernykh issledovaniyakh URL: <http://www.deti-s-zur.ru/node/404.html> (data obrashcheniya: 15.05.2014).
11. Yasvin V. A. Psikhologiya otnosheniya k prirode. M.: Smysl, 2000. 456 s.

Статья поступила в редакцию 15.01.2015